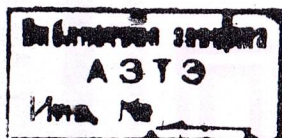
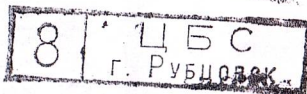

54 7K
Евг. Долматовский

БЫЛО

Записки поэта

84972

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1982

другие ребята, а прошедшие ждали за дверьми. Нас всех собрали, выдали нам комсомольские билеты и сообщили, что мы все мобилизованы и сегодня вечером, не заходя домой, должны на Курском вокзале перебирать картошку, которая начала портиться.

Мы пошли на Курский вокзал.

Я забыл прочесть на райкоме свое стихотворение, специально написанное.

ЗАПИСКИ УПОЛНОМОЧЕННОГО, ИЛИ МАМИН-СИБИРЯК

5 июля 1931 года

Торжественное возвращение из первой комсомольской командировки. Первым делом отправился купаться на Москву-реку, на пляж под Кремлевской стеной, но оказалось, что речная вода настоящего путешественника отмыть не способна. Дома растопили колонку, брат меня, как он говорит, выстирал и отжал. Я собрал на себе пыль и гарь всех паровозов, ходивших до Курска и Воронежа, пыль всех ветров Центрально-Черноземной области.

Родители делают вид, что очень волновались за меня, а может, они действительно волновались, но, увидев меня грязным, живым и невредимым, они, кажется, испытывают чувство гордости за взрослого сына, работающего по коллективизации.

Если самому себе признаться абсолютно честно, это была не столько комсомольская, сколько пионерская командировка. Став «детком», я превратился в старшего товарища для пацанов и вынужден теперь с ними нянчиться. Но несправедливо считать, что пионеры это дети и с ними нечего разговаривать всерьез, — мы в Ц. Ч. О. организовали дозоры урожая, сбор колосков, кое-где помогли укрепить очень робкие пионерские отряды. Я впервые был просто в деревне — не в пионерском лагере, не на даче, а далеко от дома и в самом центре небывалых событий. Для колхозных и крестьянских ребят я был представителем если не Центрального бюро юных пионеров, на которое им, может, и плевать, а самой Москвы и пролетариата.

Теперь буду отдыхать до сентября и постараюсь подучиться и осенью сразу ликвидировать два угрожающих «хвоста», волочащиеся за мной в техникуме и смутно объясненные в учебной части такой уважительной причиной, как командировка на коллективизацию.

Всю ночь писал отчет для ЦБ юных пионеров, получилось двенадцать тетрадных страниц. Маловато, но, кажется, вся картина будет видна тому, кто станет читать.

6 июля 1931 года

Пошел в ЦК ВЛКСМ.

Меня принял какой-то важничающий зам по имени Валентин. Я тоже решил перед ним держаться петухом, достал из кармана свой

четко переписанный отчет и небрежно сказал — почитайте. А он стал не читать, а считать. Посчитал странички, подержал их в руках и вернул мне, держа мое творчество за уголок, как будто это клейкая бумага от мух.

— Это не отчет, а сочинение. Есть решение секретариата ЦК, чтобы отчеты по командировкам были не больше трех страниц, а лучше две. Так что поди-ка в коридор, сядь к окну и оставь от своего длиннющего и, наверное, скучнейшего отчета две с половиной странички. Если ты в шестнадцать лет уже пишешь такие длинные отчеты, какие они у тебя будут, когда тебе будет тридцать? И чтоб быстрее!

Пришлось мне идти в коридор, используя подоконник как письменный стол, выкидывать самые лучшие места из подробного описания нашей бурной деятельности в Центрально-Черноземной.

Опять пошел к Валентину.

Как это ни удивительно, молодой бюрократ сразу же стал читать осиротевшее сочинение, приговаривая — ну и правильно, ну и молодцы, — а потом спросил меня, что я собираюсь дальше делать летом. Я не мог сказать ему, что у меня два опасных «хвоста» в техникуме, и с чувством исполненного долга, небрежно ответил — буду отдыхать, хочу овладеть байдарочным спортом.

Тогда он стал меня хвалить: «Ты имеешь хороший опыт пионер-работы, а отдыхать тебе не от чего, сейчас самая горячая пора. Ты знаешь оргработу и можешь писать в газету то, что надо. У нас есть две ответственные командировки — одна на Кавказ, а другая в Сибирь, выбирай, какая тебе по душе».

Конечно, я выбрал Сибирь, хотя ясно представил себе, какая паника ожидает меня на Гоголевском бульваре. Зам — умный хитрец, он закричал: «Мы были в тебе уверены», хотя местоимение «мы» в старой России употреблял по отношению к себе только император.

11 июля 1931 года

Всю ночь гремела гроза, а к утру поезд убежал от молний, вырастающих, как колонны (в первый раз такое видел!). Утром началось совсем другое: жара. 50 градусов жары лежат на нас, давят, жмут. В вагоне плачут малыши или лежат, забывшись, с открытыми глазами. Какой-то тип решил быть стойким; чтобы скрыть револьвер под одежей (я ясно вижу очертания кобуры и ремешок), он ни за что не снимает кожаную куртку, желтую, на байке. Куртка медленно чернеет от пота. Эта новенькая, уже бывшая новенькая курточка — специально для уполномоченных.

На разъездах встречаем составы с автомобилями, тракторами, машинами. На платформах написано мелом УБОРОЧНАЯ. Такую же надпись можно было бы сделать и на мне, но ее моментально смыло бы потом. Хорошо, что платформы не потеют. Невозможно долго смотреть в окно — раскаленная пыль летит в глаза. Я и не представлял себе, что есть у нас такие жаркие края.

13 июля 1931 года

Проезжаем Урал. Поезд влетает в черные туннели.

Вот и горы. Они здесь такие убогие, словно не горы, а руины, не такими я их себе представлял. Кое-где обросли лесом. На карте в кабинете географии они совсем другие.

Между гор расположены низкие и закопченные заводские здания.

Ночью — Свердловск. Жаль, что я проеду Урал, так и не походив по его камням. Следующий раз буду проситься на Урал.

Два студента Горной академии (на практику! на практику!), всю дорогу сидевшие на своей полке голышами и выбегавшие на каждой станции обливаться водой, натянули штаны, а рубашек не надели, совсем ушли. У них нет никакого багажа, так что соседи думали, что они отстали от поезда.

Слез немец из мягкого вагона, успевший обворовать до двух десятков баб. В отличие от наших ребят, у него чемодан, как кожаный дом. Его встречали два представителя, наверное с завода. Искали его на платформе, спрашивали: «Не видели немецкого инженера?» Я вышел на платформу, чтобы ступить сандалиями на свердловскую землю, показал им на немца, который растерялся и сидел на своем чемодане посреди платформы. Представители говорили только «гутен морген», хотя до утра было еще очень далеко. Но, видимо, это весь их запас немецких слов. Это были настоящие уральцы, спокойные, с достоинством, зря немец рассчитывал, что они понесут его чемодан. Пусть скажет спасибо, что его встречали и искали.

Мост через Обь. Я впервые увидел, какие у нас огромные, широкие, величавые реки. И не только Волга!

И вот Новосибирск, центр Западной Сибири.

На вокзале много моих собратьев — уполномоченных, только некоторых встречают, а меня — нет. А мне и так хорошо, я взрослый и самостоятельный человек, зачем меня встречать?

Нашел в городе редакцию пионерской газеты.

Ее редактор, рассудительный и неторопливый Гоша Марков, помог мне устроиться в гостиницу — кто-то из уполномоченных уехал в район, номер остался за ним, можно попользоваться.

Я впервые в отдельном номере гостиницы. Солдно!

Только задремал, вошла дежурная, открыв дверь своим ключом, и попросила, чтоб я потеснился: прилетел летчик Борис Чухновский, не откуда-нибудь, а из Арктики, из полета, о котором пишут газеты, и его механику не нашлось места. Я не сказал ни да, ни нет, и сразу появился этот механик, поздоровался и, не раздеваясь, завалился спать.

Я очень хотел с ним поговорить про авиацию, но он спал через минуту. Пришлось и мне — на боковую и вновь вливаться в сон.

В середине ночи проснулся от странного щекотания. Зажег свет. Оказалось — я весь в крапинку, по мне ползают жирные здоровенные клопы. Хорошо поработал мой ботинок солдатского типа, купленный в «Советском туристе». Я расстелил на полу газеты, топтал на них

клопов. На механика, разумеется, тоже было нападение, но он не проснулся и не пошевелился, у него очень здоровый сон. Что ему клопы, вот если бы белые медведи!

16 июля 1931 года

Утром механик проснулся, посмотрел на следы кровавого побойща на газетах, сказал мне: «Будь здоров, пионер!», взял свою сумку и, не обернувшись, ушел. Почему он считает меня пионером, когда я уже давным-давно, с самого тридцатого года, комсомолец?

Обидно, что мы не поговорили. Ведь он и летчик и полярник одновременно, таких раз-два и обчелся.

Скучно мне и одиноко. Действительно, черт понес меня в эту глушь, в Сибирь. Была командировка на Кавказ, а я напросился сам сюда. Все-таки я забрался очень и очень далеко, здесь даже спрашивают — ты с Запада? А ведь это еще только Западная Сибирь!

Я должен ехать еще дальше — в районы. Выбрали, что поеду в Пospelихинский, Шипуновский и Рубцовский. Эти районы находятся в пятистах километрах от Новосибирска к югу, около города Семипалатинска.

Только начинался рассвет, когда подали поезд. Нары на троих. Я лег первый, следом вскарабкались еще двое парнишек, похожих на бандитов. Я, наверное, в этом полутемном вагоне кажусь им похожим на бандита, а главное — не собираюсь их разочаровывать как можно дольше.

Однако бандитами оказались совсем не мы.

У одного из моих соседей по нарам немедленно стырили чемодан. Я включился в волнения и розыски, и обнаружили это фанерное сокровище под последней лавкой вагона, уже у выхода. Вряд ли чемодан собирался сам выйти на ближайшей остановке.

Тут я понял, что мои соседи — в доску свои ребята. Расспросил, оказалось — ученики Кузнецкстроевского ФЭУ и едут в ту же самую Рубцовку (или Рубцовск) вербовать к себе людей. В Кузнецке ужасная нехватка рабочих рук, но и на других стройках такое положение. Вот и рассылают вербовщиков, они расхваливают свою стройку, сыплют обещаниями, соревнуются с такими же зазывалами в красноречии.

Мы быстро, по-дорожному, сдружились и завалились спать.

18 июля 1931 года

Лежу на нарах, бегут в окне вагона степи. Ели целый день огурцы с хлебом, и нестерпимо хочется домой. Очень странно — стоит мне долго быть одному в вынужденном бездействии (поезд вот везет меня без моего участия), и начинаю скучать по дому, по маме и отцу, даже по Юрке, хотя мы с ним не образцово-показательные братья и он в полминуты променяет меня на рисунок автомобиля в журнале. В восемь вечера — Пospelиха. Вот я и на месте. Длинная пыльная деревня.

Пошел в «Дом крестьянина», занял койку. Очень душная большая

изба, полная уполномоченных. Никаких крестьян. Нары еще тесней, чем в поезде. Какой-то тип с портфелем, видимо считая меня своим, посоветовал — вы в избе задохнетесь, духотища, идите во двор, там можно спать на телеге.

Я пошел к телегам, лег на жиденькое сено, прикрылся собственным московским одеяльцем, которое мне навязала мама, как я ни сопротивлялся. Этим одеялом я укрывался с дошкольного возраста, но потом оно стало мне мало. Мама хотела дать мне в Сибирь большое одеяло; к счастью, оно никуда не влезало и осталось на Гоголевском бульваре. А в Сибирь отправилось путешествовать детское одеяльце. Оказалось, что из него не выветривается запах нафталина. И все-таки очень хорошо, что я взял его в командировку, как воспоминание о Москве.

19 июля 1931 года

Обошел с утра Поспелиху — село небольшое, но очень широко раскинувшееся в степи.

В райкоме комсомола ознакомился с делами. Оказалось, пионерская работа — никуда. Это значит — мне ее налаживать!

Тут находится от Новосибирского крайкома комсомола парень, работник газеты «Юный ленинец», в его редакцию я попал сразу же по приезде в Сибирь. Черноглазый, быстрый. Фамилия — Стругач.

Решили со Стругачом ехать в коммуну имени Мамонтова. Даже запели песню — «Наш паровоз летит вперед, в коммуне остановка». Паровоза у нас нет, а в коммуне я еще никогда не бывал. Говорят, они только здесь — коммуны. Это даже важнее, чем колхозы, и появились давно, вскоре после революции, а колхозы — дело новое.

Отправились со Стругачом в МТС, чтобы поехать оттуда в коммуну на автобусе (так называется грузовик «форд» с настеленным сеном). МТС большая — девяносто тракторов. Часть их стоит в гараже.

Я раньше, в прошлой командировке на село, видел только тракторы «Мак-Кормик-Диринг» и «Путиловед-Фордзон». Тут таких мало, преобладает «Интернациональ» (не путать с Интернационалом).

Трактористы — чумазые как черти, веселые молодые ребята. По-моему, они очень гордятся своей чумазостью. А я бы не гордился?

На автобусе поехало бюро партячейки МТС и много баб, которые, судя по разговорам, воспользовались случаем, чтобы прокатиться на автобусе, он выезжает по маршруту очень редко, в особых случаях. Ехали здорово быстро.

По дороге, версте на двадцатой, встретился мужик. Его рыжий конек шел медленно. Он сам чинно сидел в плетеной корзинке. Конек увидал автобус и понесся в степь по белым наметам песка и выжженной траве. Мужик спокойно остановил конька, затем быстро погнал его вслед за грузовиком, оря: «Гады! Гады!» Очень громко он орал, раз двадцать одно и то же не очень приятное для нас слово.

Секретарь партячейки, сидевший за рулем, — он все время говорит о технике, которой надо овладеть, — рассказал, что этот ругатель —

бывший партизан, а нынче отчаянный бурлюга и анархист. Говорит, что не признает местной власти, что бы ни делала партиячка — устраивает скандал. Непонятная личность!

Коммуну вижу в первый раз. Наконец-то! Столько было разговоров — и вот она, коммуна.

Шпалерами стоят длинные бревенчатые строения, они разделены на комнаты — у каждой свой выход и палисадник. Они солидно называются корпусами, хотя очень похожи на бараки, только с перегородками. Мы ели в общей столовой — хлеб и молоко. Здесь молоко не пьют, а едят ложками из мисок, оно уже становится не напитком, а едой. Здесь большинство старых коммунистов — партизаны из отряда Мамонтова. Они боролись за советскую власть и сами советская власть. Мамонтов — здешний герой. Может, с него писал Всеволод Ианов Вершинина и Качалов в «Бронепоезде» играл такого?

Мамонтов вернулся в свою деревню, стал собирать земляков в коммуну. Но в Барнауле ему дали назначение в другую деревню. Считалось правильным — работай, где скажут. Это и ко мне относится. Ночью, в зимнюю стужу и поземку, ехал партизан Мамонтов один верхом по степи. Его нагнали трое, требовали, чтобы он остановился, но он поскакал дальше. Он понимал, что это банда, белогвардейцы, они тогда шастали по темным местам. Его нагнали и кинули в него гирию, привязанную на ремне (я читал, что у мексиканских ковбоев шары на ремнях называются «болло». Откуда эти шары в Сибири?).

Так погиб партизан Мамонтов.

Его именем названа коммуна.

20 июля 1931 года

Мы провели в коммуне ребячье собрание, организовали дозор по охране урожая. В журнале «Вожатый» писали, что «дозоры» — почти игра. Я думаю, писали неправильно. Здесь все всерьез. Какая игра, если есть кержаки, свежа память о Мамонтове.

В райкоме все в сборе. Сейчас там двоесекретарствование. Один секретарь выбран 18-го — Антипов. Приехал в марте с пропгруппой крайкома до 10 июня, а 10-го прислали телеграмму не выезжать до особого распоряжения. А он здесь понравился, и его выбрали секретарем райкома. Он говорит, что ему надо в Новосибирск, ругается, дел не принимает.

А вдруг меня выберут?

Второй секретарь — переизбранный — Земляков. Нежная душа, селкор. Худ и бледен.

Еще один парень — холодный как лед.

В юнгштурмовке. У него на правой руке шесть пальцев, из них два указательных. Он тщательно скрывает один из них под карандашом и все время что-то пишет.

Стругач сегодня уехал совсем в отчаянии, отчего — неизвестно.

Мы с ним вместе сдали материал в районную газету — «Страничку дружных ребят». Страничку редактор Самсонов принял с восторгом — видимо, оттого, что нет материала.

22 июля 1931 года

Я «стою» на квартире. Мой хозяин — Черников — мужик лет 55 с одним зловещим зубом во рту, круглым, сморщенным лицом и детскими глазами. Детей у него нет. Он немедленно меня полюбил и повел на собрание артели инвалидов «Прогресс» (он ее называет «погрес»), в которой он состоит.

Основным вопросом собрания инвалидов — большинство из них на деревянных ногах или со свободно болтающимся рукавом рубашки — было открытие пивной. Почему-то долго спорили. Я спросил Черникова, зачем открывать пивную и спаивать народ. Он ответил: «Мы не народ спаивать, а деньгу зарабатывать». И сколько я его ни убеждал, моя агитация не доходила. Я разошелся на себя и притих.

Спал на полу, на овчине, и считал, что еще 30 ночей придется провести в таком же духе.

23 июля 1931 года

В центре района находится скучновато, я решил пойти по деревням. За три версты деревня Пospelиха. Пошел туда.

Исполнитель из сельсовета (с железной, из прута сделанной палкой — в деревнях так ходят исполнители, в городах — слепые) отвел меня в довольно чистый и просторный дом единоличника Крауза, бывшего партизана. Меня встретила круглолицая бабенка лет 20, сказала — кушай, мальчик. Я сделал вид, что не заметил.

Пришел ее муж, тоже 20 лет, кузнец из зерносовхоза, и товарищ их — механик с велосипедом. Учились ездить, падали, смеялись.

Интересно выглядит велосипед на большом дворе, рядом с домиками из кизяка.

Вожатый тут на редкость приветливый парняга лет двадцати. Я замечаю, что все пионерработники и комсомольцы старше меня, и смело говорю, что мне восемнадцать лет. Но, кажется, верю в это я один. Вожатый повел меня на «экскурсию», показывать соевые посевы. Соя — новое сельскохозяйственное растение, здесь о нем много говорят.

Вечером собрали пионеров, поговорили.

Наконец я нашел активиста, который моложе меня. Ему 15 лет, он в сапогах, в пиджаке, с огромным значком (значки вообще — достояние ответственных лиц!). Он отчаянный коллективист. Стоял вопрос о распределении двенадцати пар брюк среди пионеров. Кто-то назвал фамилию парня, имеющего крепкие новые брюки. Активист встал, покраснел, стал показывать: «Под суд тебя отдадим, если запишешь его на брюки! Нельзя, если неверно!»

26 июля 1931 года

Двадцать лучших пионеров-ударников едут с вожатым на экскурсию в Алтайские горы. Сейчас они собираются, у всех настроение чуть взвинченное, как было у меня перед выездом в Сибирь.

У них впереди — двухдневный путь, ночи в брезентовой палатке, горы, озеро в горах (Синее озеро), гранильный завод, Змеиногорск, Колыван, ягода кислица и горные козы. Меня завидки берут: может, плюнуть на работу и махнуть с ребятами в горы?

Я на постое у сторожа коммуны. Он рассказывает, что каждый день к коммуне подходят волки. Летом их не бьют, оставляют на зиму, когда мех лучше.

В механической мастерской я видел сегодня замечательную вещь: два парня чинили лобогрейку (нет, не чинили, а собирали только что присланные части). Обычно четырехгранное колесо, забирающее сено или пшеницу к нолам, имеет слишком длинные концы, их приходится приподнимать и выносить вперед. Это стоит дорого, все замедляет, получается плохо. Но до другого не додумались, машина владела человеком. Одного из починщиков осенила действительно блестящая идея — просто подрезать длинные концы колеса. Он быстро притащил пилу, наставил, она завизжала, возмущаясь дерзостью, но колесо стало вертеться свободно.

Так человек стал владеть машиной.

27 июля 1931 года

Утром опять приперся в Поспелиху. Сдал материал на «Страничку дружных», уже набралось много заметок — я работаю по принципу расширенного воспроизводства.

Поспешил на пассажирский «форд», поехал в зерносовхоз «12 лет Октября». Зерносовхоз лежит совсем близко к горам — видны их синие очертания на горизонте.

В «загоне» за колючей проволокой десятка два комбайнов. Комбайн напоминает слона и самолет одновременно.

В комсомольском комитете — Черников, назначенный временным секретарем. Он меня устроил на квартиру к одному женатому парнишке. Сказал — ничего, потеснятся.

Когда я пришел спать, оказалось, что молодожены уступили мне свою кровать, а сами будут спать рядом на полу, где уже постелено. Они пришли поздно, но я не спал. Видел так называемую правду жизни. Она какая-то двусторонняя — гадость и прелесть.

30 июля 1931 года

Утром из бригады поехал в колхоз, а оттуда отправился в зерносовхоз. Лошадь оказалась жуткой, пешком было бы дойти проще и быстрее. Меня вез старик, явный упадочник. Он портной, лошадей управлять не умеет. Каждые пять минут заявлял, что поедет обратно. Я злюсь, а он ноет. Но едет вперед.

Я поставил ему ультиматум — езжай куда хочешь, только молчи.

Ехали 15 верст с десяти до трех. В зерносовхозе люди изнемогают от жары, едят кислцу.

Вечером — собрание. Ленинградский комсомолец-практикант сделал доклад по речи Сталина «Новая обстановка, новые задачи хозяйственников».

Второй вопрос стоял об одном комсомольце. Он рекомендовал на работу в бухгалтерию парня, по документам не лишеного избирательных прав, но кулацкого сына. Никто не знал. Но в столовую зашел рабочий какой-то, уволенный из совхоза, стал ругаться: нас, трудовое крестьянство, выкидывают, а всякое кулачье работать в конторе может? За соседним столом зам. секретаря комитета, по фамилии Капацых, уплетал молочную кашу. Он стал выяснять, кто это кулак, работающий в конторе. Выяснили, кто рекомендовал кулацкого сына, оказалось — комсомолец. Здорово его взгрили.

И опять пошли на гулянку. Вот какие я записал частушки:

Мой матанечка трепало,
Истрепался с кем попало,
Увивается, шальной,
За товаркой и за мной.

Я не по полу хожу,
А по острому ножу.
Не с такими расставалась,
Я тобой не дорожу.

Эх, товарочка моя,
Ты не милосердья,
Я разрежу белу грудь,
Посмотри на сердце.

Говорят, что бога нету,
Он уехал в Ленинград,
Богородицу оставил
На молоденьких ребят.

Нынче месяц высоко,
Не достанешь палочкой,
Мой матаня далеко,
Не походишь парочкой.

31 июля 1931 года

Тут люди живут напряженно, строго, им и без меня трудно и со мной — не легче. Здесь идет бой. Я все-таки около боя, а не в бою.

В райкоме была тревога. Правда, не здесь, но в кержацком селе обстреляли уполномоченного. Он чудом уцелел. Есть сведения, что в трех семьях хранят обрезы, хорошо запрятав.

Группа членов ВКП(б) и комсомольцев поехала в село (это другой район, их выделили на помощь). Сход был очень мрачный. Сказали староверам, что, если положат обрезы ночью у колодца, никто не будет искать и дознаваться — чей обрез. Кержаки не верят, что их не тронут, ждут раскулачивания. У них свои звериные нравы. Если возьмешься за ручку двери, значит, осквернишь ее. Староверы сразу берут полено и им сбивают ручку. У них считается грехом и разго-

варивать с нами. Не дадут чужакам ни пить, ни есть, в лучшем случае — швырнут хлеб.

Один обрез все же оказался у колодца. И винтовочные патроны.

Я должен себе признаться, что у меня было в прошлом году сомнение насчет кулаков, я ведь их еще тогда не видел, разве что на карикатурах. Но если смотреть правде в глаза, кулаков больше, чем разговоров про них. И не обязательно у кулака стадо коров и десять батраков. Есть яростные враги коммуны и колхозов, им кажется, что колхозы — их гибель, вот они и готовы даже убить тех, кто организует колхозы. У них большая любовь к земле только к своей, даже если ее совсем мало. И удивительная жестокость, я даже не могу объяснить, откуда берется легкая готовность стрелять.

Я видел обрез впервые. Это старая солдатская винтовка «трехлинейка» с отпиленным стволом, нет никакой мушки. Приклад точно подтесан, чтобы все занимало как можно меньше места, чтобы легче было спрятать, например, под пиджак.

Мы пошли далеко в степь, поставили на расстоянии доску и стреляли из обреза. Очень сильный выстрел, доска в щепки.

Мне очень странно было держать в руках настоящий обрез. Говорят, что оружие осталось в селах еще с гражданской войны. Подумать только: десять лет лежала винтовка где-то на сеновале, смазанная, совсем не старая, хотя она из прошлого века — образца 1891 года. Это было основное вооружение солдата в русско-японскую войну и в империалистическую; конечно, и вся гражданская война тоже была с винтовкой («Иного нет у нас пути, в руках у нас винтовка»). Возможно, что этот экземпляр принадлежал какому-нибудь колчаковцу или карателю. Потом у нее отпилили ствол, и она стала жестоким оружием борьбы с советской властью.

В райкоме говорят, что положение не такое простое, как это кажется неопытному глазу. (Наверное, это у меня неопытный глаз.) До прошлого года было поспокойнее, но объявление сплошной коллективизации обострило отношения в деревне. (Конечно, не в коммунах.) Есть колхозы очень непрочные, недавно слившие земельные полосы в общие поля. Когда человек пашет большое колхозное поле и вступает на тот участок земли, что раньше принадлежал ему, он пашет глубже. Если лошади (взрослые) — в колхозном табуне, то бывшие хозяева приносят своим коням сахар и угощают их. Несомненно, это очень древние привычки, и для того, чтобы они забылись, потребуется лет пять, не меньше.

Здесь все события так близко от меня совершаются, что я переживаю все, будто сам участвую, хотя всюду не успеешь, и моя задача — мобилизация пионеров на охрану урожая — тоже очень серьезная и боевая.

Проходили мы в сени, стараясь потише.
Половицы вскрывали,
Не веря словам.

И не смели погладить ревуших мальчишек
По лохматым соломенным головам.
Подымался хозяин:
Икона святая,
И смотрел в отчужденные наши глаза.
Бесконечною ненавистью налитая,
На колючих ресницах дрожала слеза.
Мы ломали его скопидомское счастье,
Понимая: коль встретимся с глазу на глаз,
Он убьет нас не сразу —
Разрежет на части,
Будет слушать, как кровь убегает из нас.

2 августа 1931 года

Ночью приехал в город Рубцовск.

Люба Железнова, зам. пред. райбюро пионеров. Деваха (сибирское наименование) 19 лет. Она кончила 9-летку в Казани, поехала на два года в Змеиногорск на подработку, теперь здесь.

Пошли к редактору газеты «Степная коммуна» договариваться насчет организации пионерской странички. Редакция довольно просторная, редактор толстый, ровно небритый. Странички ему не надо, я его уверяю, что пионерам надо, а он уперся: «Ты выпустишь страничку и махнешь дальше, а мне что делать? Ненавижу фейерверки!» Решили выбрать зав. массовым отделом райкома партии Мосолова арбитром в нашем споре. Кабинет Мосолова носит какой-то интеллигентный характер. И сам он очень милый, — должно быть, у него есть дети и он к ним очень хорошо относится.

Он — за страничку. Его острое лицо улыбается, он подмигивает мне: «Наш редактор недолюбливает приезжих, но вы ничего, чхайте на это». Я и так чхаю.

А все-таки надо понимать, что приезжие будут и отъезжими, а люди здесь родились, учились или не учились в школе, если уезжали, то возвращались, здесь вся их родня, друзья всей жизни, а если враги, то их тоже надо иметь в виду, ведь от врагов нельзя уехать и забыть, что было трудно. Так что мне надо знать свой шесток, хотя я и не сверчок. И если люди ненавидят фейерверки, то имеют свою правоту. Если с ними не считаться, они с тобой уж и вовсе считаться не будут, имея в десять раз больше оснований на то. Так что не задирайте свой обгоревший и начавший слоиться нос, товарищ уполномоченный!

...Пошел на рубцовский базар.

В сутолоке лошадей, людей, телег чего только там не продают: гвозди, бараны, огурцы, щетки, зеркала, пирожки, халаты, картины с лебедями, кислица, кумыс, топоры, сапоги. Между рядов ходил цыганистый человек и продавал приклад винтовки. Говорит, что нашел его в сене. Вполне вероятно...

Один тип покупал у другого лошадь. Очень хотелось ему приобрести эту клячу. Дон Кихот такого Россинанта не взял бы. А этот

гидальго то и дело снимал клеенчатый картуз, показывал лежащие в нем потные деньги. Он ставил цену 140, а продавец уперся — 160. Лошади, видимо, было совершенно безразлично, даже грустно, как всегда лошадям.

Покупатель несколько раз делал вид, что уходит. Продавец отворачивался, как хозяин положения. Покупатель подставлял руку, ладонь, похожую на горсть мозолей, хозяин лошади бил по ней кулаком и кричал — 158!

— Ты что, курицу продаешь, что копейки сбавляешь! Это лошадь! Понимашь, это конь!

Наконец попросили его проехаться. Он вскочил на спину коняги, сделал несколько кругов по базару, пугая баб. На скачки конягу явно не взяли бы.

Сторговались, остановившись на 155 рублях. Лошадь перешла к новому хозяину, он взял ее за узду, и оба — покупатель и продавец — пошли в пивнуху рассчитывать и смачивать сделку. А им вслед какая-то тетка давала реплики насчет того, что коня все равно отберут в колхозе.

4 августа 1931 года

Утром пошел на станцию, чтобы поездом выехать в село Веселоярское. Часа два стоял у вокзальной кассы с людьми из Ташкента, Ауле-Аты, Хивы, Самарканда. Когда дошла до меня очередь, выяснилось, что поезд на станции Веселоярск не останавливается. Железные дороги относятся ко мне плохо, хотя перед ними ни в чем не виноват.

Злой вернулся в райком.

По дороге встретил предрайбюро юных пионеров Фатину (она в отпуску), Железнова ее замещает. Фатина несла огромный куль семечек. Я с ней еще вчера познакомился. Ей 22, она ходит в мужской косоворотке, с кавказским пояском.

Фатина повела меня в квартиру корейской коммуны. Коммуна у Веселоярска, а в Рубцовске их комната — корейское представительство. Я впервые в жизни вижу корейцев. Лица их загадочно-красивы, женщины кажутся всегда задумчивыми. Они редко смеются, в лучшем случае слержанно улыбаются, а зубы у них белые-пребелые, и кажется, что зубов куда больше, чем у бледнолицых европейцев. Между прочим, расстояние отсюда до Кореи и до Москвы почти одинаковое — я мерил.

Условился с корейцами, что поеду с ними, хотя они очень непонятно говорят по-русски и, быть может, поняли меня как-нибудь не так. Договаривался я с каким-то корейцем при галстике и в ботинках. Мое командировочное удостоверение он подержал в руках, но читать не стал, только на обороте сделал отметку — таинственный иероглиф.

На всякий случай, не ограничившись «Новой Кореей», я нашел еще посольство коммуны «Зерно» (все коммуны имеют свои комнаты в районном центре).

Коммуна «Зерно» гораздо слабее тех коммун, что я видел в По-

спелихинском районе. На обед, ужин, завтрак — хлеб и суп. Молоко — через день. Коровы заболели, вот беда.

За обедом разыгрался небольшой, но достаточно шумный скандал. Длинный мужик в синей дерюжной рубаше сел за стол, выложил ложку, большую, деревянную, лакированную, желтую, с толстой ручкой. Пришли обедать рабочие дорожно-мелиоративного отряда и студенты томского техникума. Один молоденький и самоуверенный десятник спокойно подошел к мужику, взял его ложку и положил себе в карман.

Мужик вскочил, крикнул:

— Отдай ложку!

— Ты ее у нас взял, у нас такие ложки.

— Этой ложкой, сволочь, я еще в партизанах щи хлебал.

— Врешь, когда у нас работал, тогда и спер. И неизвестно еще, был ли ты партизаном. Много вас таких!

Человек, оставшийся без ложки, поднял кулаки и выбежал из столовой. Через минуту он вернулся. В руках у него была другая, обычная бурая деревянная ложка с лаковыми солдцами. Он крикнул на всю столовую: «Я тебе еще за ложку шею сверну» — и принялся уплетать второй ложкой суп. И все страсти улеглись.

6 августа 1931 года

С утра стал искать коня, чтоб ехать в Веселоярск, но не нашел. В конторе секретарь ячейки ВЛКСМ просил меня дать установку по пионерработе, я ждал до вечера, когда созовут бюро. Провел инструктаж.

На мое счастье, мимо по дороге проезжал человек в лиловой майке.

Оказалось — он в «Корею». Он взял меня с собой.

Он мелиоратор из Барнаула.

Я думал о своем инструктаже, не уверенный, что хорошо говорил, и произнес вслух, мели, оратор! А мой новый знакомый обиделся, приняв это на свой счет. Я ему объяснил, но вижу, что играть словами опасно. Мы разговорились, он дал мне закурить махорку, нахваливая ее, но я не мог свернуть крепко папиросу, даже стыдно было за себя. Он мне свернул, сказав: очень просто, но не все могут (укол в мой адрес). Я только успел затянуться, как весь табак был у меня во рту. Мелиоратор смеялся над оратором.

Около каждого шлюза мелиоратор останавливал лошадь, шел осматривать, все ли в порядке.

Мы въехали в группу домов. На крыше одного из них — трубы в завитушках, с орнаментом, как чайный магазин на Мясницкой, против почтамта.

Навстречу попалась женщина, смуглая, глаза раскосые. Одной рукой поддерживала ребенка, примотанного к ее спине широким белым поясом. Ребенок с лицом Будды.

В конторе сидели парни, похожие на студентов Коммунистического университета трудящихся Востока — я их видел в Москве. Мы ходили к храму Христа-спасителя, где революционеры из далеких стран по вечерам сидят на скамеечках — их общежитие рядом. Я еще познакомился тогда с аннамитами из Индокитая, предложил им поменяться марками, но у них не было.

А корейцев я впервые увидел в Сибири.

Они повели меня обедать. Нечто сугубо национальное — огурцы в чесночном настое. На второе — горячее молоко. Корейцы экономнее нас, хлеб режут ломтиками, а не ломтями.

Корейцы из конторы, узнав, что я москвич, стали друг другу что-то весело говорить. Оказывается, они едут в Москву учиться. Условились ехать вместе, встретившись в Новосибирске. Вот их имена и адрес в Новосибирске: корейский клуб, Ленинская улица, 32. Ким и Пак. Борисы оба.

Пак водил меня смотреть посеvy риса — засеян пока один гектар.

В Сибири рис никогда не рос, в прошлом году сеяли, но неудачно.

Некоторые агрономы утверждают, что не будет риса, а другие, что будет, еще какой. Однако в этом году рис будет, наперекор природе. Триста пудов с гектара — доходная статья!

Рис похож еще на осоку. Растет по колено в воде. Через неделю, начав колоситься, рис будет похож на рис.

Рядом с плантацией стоит соломенный шалаш, словно перенесенный с китайской картинки. Как ужасно, что я воспитан на книгах.

Кстати — о книгах. Услужливый Пак дал мне их целую пачку.

Прочел «Перегнутой» Сейфуллиной. Опять о Сибири, черт побери. Одна книга, которой мне не прочесть. На корейском. Но надпись на обложке — по-русски,

ОЛЬГИ ТЕН

Неужели, моя хризантем,
Любова твоя отцвела?

Ли Борис. 1928 год

Пионеры-корейцы приехали на телегах с веселыми гортанными криками. Почистив зубы, умывшись, стали играть в игру — вроде нашего чижика. Чудно кричали. Веселей всего было смотреть, как двое русских ребят-коммунаров точно так же орали по-корейски.

В «комнате холостяков» меня встретил безукоризненно услужливый и вежливый секретарь комсомола. Вместе с ним ходили по коммуне. Старики сидели на корточках у домов и курили тонкие трубки. В таких трубках должен лежать опиум. Сейчас там лежит стопроцентная махра, это я проверил, мне отсыпали горсть, я набил свою трубку. Стоило пару раз затянуться, я обжег горло дымом и долго не мог ни слова произнести. Все же собрался с силами.

Пионерский сбор был необычный — я говорил не ребятам, а Борису, он переводил. Впервые в жизни пользуюсь услугами переводчика. Очень забавно получается!

Отряд оказался хороший, дятельный.

Создали дозор урожая. Один мальчик спросил: «От кого охранять урожай? От взрослых?» И все стали улыбаться и сверкать зубами.

7 августа 1931 года

Корейчик повез меня в Веселоярск. Он форсил передо мной, гнал лошадей так, что кодок наш сломался — подвела рессора на ухабе, еле доехали.

Из силосной ямы я извлек желтого от земли секретаря Иващенко.

Он дал мне лошадь, я поехал верхом в бригаду, на займку сельскохозяйственной артели «Красная Армия». Все-таки большое удовольствие ездить верхом. Я не мог сказать, что не умею, какой же я уполномоченный, если не могу вскочить в седло. Но понимать, как ездить верхом — одно, а уметь — другое. Хожу раскорякой. В избах-читальнях я никак не побываю, на займке существует «красная палатка». У входа многозначительное объявление:

ТОВ-И КОЛХОЗНИКИ
В КРАСНОЙ ПАЛАТКЕ
ВЫРАЖАТСЯ СТРОГО ВОСПРИЩАЕТСЯ
ШТРФ ДО ТРЕХ ТРУДОДНЕЙ

Действительно, здесь идет битва с руганью, которая некоторым людям стала заменять все слова. Против ругани выступают красная доска и стенгазета. На красной доске наклеены бумажки, вроде: «Василь Пуценко исправился, не матюкается», а на черной доске списки злостных матерщинников. Две юные стряпухи попали в стенгазету за грязь в столовой. Девчонки страшно ругались, так что могли опять попасть на черную доску, по новому поводу.

9 августа 1931 года

В Рубцовск приехал на ходке́ вместе с бригадиром по борьбе с вредителями, женщиной лет сорока в высоких ботинках и с мужским басом. Бригадирша обладает двумя отличиями: чудесным крымским загаром и неограниченной властью над мужем. Бедный муж! Он сидел на вожжах, она командовала: гони, стой, бичом, тише, быстрее, работай.

Муж покорен.

Выехать из Рубцовска в район мне сегодня опять не удалось. С каким-то секретарем (не знаю чего) Бахаревым ждали автомобиля, но за ним не приехали.

Бахарев рассказал мне о том, что он называет официально — текущий момент. Он говорит, что коммуны были созданы беднотой сразу после завоевания советской власти, что они как партизанские отряды в тихое время. По его словам, «дядьки», у которых были кони и царские пятерки в комод, и не пошли в коммуны, и не были бы допущены, если бы даже просились.

Тогда, когда создавались коммуны, никто не имел понятия о колхозах. Но теперь сплошная коллективизация, новых коммун созда-

вать не будут. Что же будет со старыми? Бахарев говорит, что, по его мнению, коммуны будут переделаны в колхозы, потому что может появиться колхоз, который будет лучше коммуны, а это будет для коммунаров обидно и несправедливо. Я спросил, как будет тогда с домами-корпусами, где все живут через стенку. Он говорит, что корпуса останутся, хотя, может быть, коммунары, став колхозниками, захотят иметь свои дворы, сараи и пр.

10 августа 1931 года

Еду в колхозы «Коминтерн» и «Путь к культуре». Около них находится курорт, при станции есть стоянка грузовика, забирающего прибывших курортников. Там огромное озеро — 25 километров в длину, 8 в ширину.

Пока ждали грузовика, я познакомился с агентом курорта, удивительно бойкая, кажущаяся всеильной личность. Он сказал, что отправляет курортников по домам, это самое трудное из всего лечения, поездка проходит «полные под завязку». Так он сказал. Я испугался, что не уеду, когда придет срок, но агент обещал, что меня отправят.

Очень приятно все-таки договариваться об отъезде!

Полустанок храпит. Всюду люди, и некуда плюнуть,
И ремень револьвера плечо мне усталое трет.

Полустанок и ночь. Ожидание поезда в юность.

Ожидание поезда, что с опозданием придет.

Затерялась в степи эта узкоколейная ветка,

И лежит предо мною глухая забытая даль,

Но по плану второй пятилетки

Здесь к Турксибу пойдет магистраль.

Очень медленно черное небо становится синим.

На светящейся стрелке трубит предраассветно рожок.

Протирает косые глаза полустанок в пустыне,

Возникает из марева солнышка красный кружок.

Меня встретил рыжий секретарь ячейки — Пономарев. Накормил супом. Познакомил он меня с вожатой. Она славится на все села вокруг. Очень дельная и милая. Но еще замечательней ее отец — золотоискатель, почивший в колхозе от дел мирских. Это первый золотоискатель, которого я вижу. Он утверждает, что в этих, рядом находящихся горах есть золото, но старательским способом его не взять, нужна драга, а драги нет, ее надо купить у американцев.

Ночью я проснулся на полу в избе. Пол устелен травой полынью, у нее снотворный запах.

Рядом дрыхал Пономарев.

Из-под пола, из-под земли раздался грохот.

В хозяйском шкафу, дверки которого раскрашены васильками, а другие застеклены, начала жалобно звенеть посуда. Рюмки чокались сами одна об другую. И мои руки и ноги стали трястись (не хочется говорить «дрожать», будем считать, что они тряслись).

При свете луны я видел, как выскочила из угла маленькая мышь, перескочила через Пономарева и скрылась.

С улицы было слышно ржание лошадей.

На мгновение я почувствовал себя совсем беспомощным и обесилевшим, даже несчастным.

Но потом я решил, что все это происходит со мной во сне.

Гром прекратился, но, кажется, на улице люди галдели.

А я все-таки заснул опять.

Утром нам рассказали, что было землетрясение.

Хотя сейчас каникулы и школа была на ремонте, все пионеры и многие взрослые собрались у ее крыльца. Требуется научное объяснение — что же происходило ночью.

Местный учитель, хранитель истории, объяснил, что Алтайские горы и район Змеиногорска находятся в поясе землетрясений, но последнее было, согласно преданиям и легендам, в самом начале прошлого столетия.

Таким образом, при всем желании я вряд ли доживу до следующего землетрясения и вынужден ограничиться воспоминаниями о мышке, пробежавшей по полу, на котором мы с Пономаревым спали в ночь на одиннадцатое августа 1931 года. Запомнить эту дату!

11 августа 1931 года

Отправился в соседнюю деревню Лебяжье.

Меня посадил шофер на «форде». Франтоватый, в кожаных штанах-галифе, в носках с резинками, купленных в Новосибирске, и белых парусиновых туфлях. Пугает лошадей гудками.

Лебяжье — новая форма колхоза — колхоз-село.

Раньше в одном селе было несколько колхозов, артелей, коммун и еще «индусы», как здесь называют единоличников.

Теперь, когда в районе почти 85 процентов коллективизации, а в радиусах действия МТС — еще больше, мелкие колхозы сливаются, входящие в село коммуны становятся «обратно» колхозами, как и объяснял мне Бахарев в Рубцовске.

Нашел с трудом вожатую, она собрала ребят. Еще недавно я говорил с пионерами с упоением, а сейчас почти с отвращением (к самому себе). Я ужасно себе надоел в качестве уполномоченного. Это все потому, что я скоро уеду, а они останутся выполнять мои разумные, своевременные, ясные, замечательные указания, и мне стыдно зато оставлять этих чудесных ребят, которых я увидел впервые, очень полюбил и не знаю теперь, как буду жить без них.

Поехал обратно в «Путь к культуре». Попутчиком был милиционер из соседней Ново-Егорьевки, человек серьезный, но, как он мне признался, только начавший ходить в ликбез. Несколько раз мы останавливались, видя сборище народа возле какой-нибудь телеги. Слышались крики, веселые и трагические тона.

— Не убили б кого, — говорил каждый раз милиционер и шел выяснять, в чем дело. Но ничего страшного не происходило. Это соседи и родные провожают своих на Кузбасс, на Риддер, на линию

Новосибирск — Ленинск, в Тарбагатай, в Олекму (золотые прииски) и даже в Нарым. Везде нужны рабочие, и в деревне образуется новая прослойка. Уже родилось словообразование «отходники», скоро надо будет его включить в словари вместе со словом «колхозник». Средняк, кулак и бедняк, разумеется, в словарях присутствуют уже давно. Надо и словечко «брошенки» не забыть. Кажется, знаменитый Даль был из Сибири, то-то я вспомнил про словари.

13 августа 1931 года

Первым делом пошел сдавать пистолет «коровин» с пятнадцатью патрончиками, который мне выдали в Поспелихе, приговаривая, что можно не стрелять, а только отстреливаться, что сейчас много случаев, когда кулаки нападают на уполномоченных.

Мне, конечно, приятно было, что я настоящий уполномоченный с пистолетом, мне виделось, как на меня нападают, я не стреляю, но потом все же отстреливаюсь и выхожу победителем из этой схватки.

Но ничего такого со мной не произошло.

А пистолет «коровин» оказался гораздо тяжелей своего веса и больше своего размера. Я его все время скрывал от посторонних глаз, надевал кобуру на ремне под юнгштурмовкой и штанами, т. е. на голое тело. Ремень до крови натер мне шею. Тогда я стал носить «коровин» в кармане штанов и спать не раздеваясь, — в общем, была ужасная морoka и постоянная боязнь, что его у меня слямят. Вот был бы номер. Но за этот месяц я столько видел дорожных краж, что, надо полагать, моя очередь уже подходит.

В общем, в девять часов утра я сдал пистолет, так ни разу и не попробовав, как он стреляет. Когда стану красноармейцем, мне уже пистолета не видеть, только винтовку дадут, это факт.

Когда я шел из милиции, где мой пистолет стал дожидаться другого временного хозяина, мне стало страшно: вот среди бела дня на меня нападут, а я безоружен. Но посмотрел вокруг, все тихо, ну и я успокоился.

Составил страницу пионерских писем для газеты «Степная коммуна» (редактор сказал — выпускается последняя страничка, нечего отделять детей от взрослых читателей!). Прощальный разговор в райбюро ЮП.

15 августа 1931 года

Скучно проходит вагонный день.

Едут люди с разными путями по одному пути.

Раздумываю о своей поездке.

Меня больше всего интересует, осталось ли от моей работы что-либо в этих пионерских отрядах, будет ли выходить в районных газетах «Страничка дружных ребят» или заглохнет, как мне кое-кто уверенно обещал?

Я везу в записной книжке пятьдесят адресов, значит, и сам пятидесяти ребятам оставил свой «Гоголевский бульвар, 29». Напишут ли они мне? Вообще такие поездки очень много дают тому, кто едет,

а вот тем, к кому приезжают, — меньше. Ведь люди живут своей жизнью, о Москве мало что слышат, далеко не все когда-нибудь там побывают.

Я вдруг ловлю себя на том, что Рубцовск и Поспелиха, корейская коммуна, «Пахарь — Заря» и все такое прочее — тоже мои, я о них буду скучать, как скучал там, в степи, по Москве.

16 августа 1931 года

Все в вагоне перезнакомились. Проводник сказал, что, если поезд идет из Владивостока, пассажиры спрашивают друг друга — не в каком вагоне едете, а в каком вагоне живете.

Едет несколько железнодорожников с Турксиба. Говорят, что их Турксиб — самая лучшая желдорога в СССР. Я знаю, что там медленно движутся поезда, но зачем мне их огорчать. Я вообще убедился, что не надо гасить человеческие восторги, даже если они не имеют достаточных оснований. В конце концов — это же состояние человека, а не насыпи и рельсов.

Мой сосед — пограничник. Он все спрашивает, когда мне идти служить в армию. Я не хотел перед ним фасонить, честно сказал, что мне шестнадцать лет и три месяца. Он даже огорчился — а он-то думал... Он приглашает меня в пограничники. Еще долго ждать, но хочется воспользоваться приглашением. Такого начальника, как он, иметь — просто прекрасно.

Он рассказывает, что на границе у них ученые не только собаки, но и специально обученные лошади, сами понимают, когда надо догнать перебежчика.

По всему протяжению железнодорожной линии работают кулаки. Они в холщовых рубашках, штанах цвета хаки и грубых башмаках. Я все пытаюсь уловить их взгляды, понять, что они думают. Вид у них очень безразличный, даже странно.

Над каждой группой работающих — красноармеец с винтовкой.

17 августа 1931 года

Завтра будет Москва.

Люди взволнованы — особенно те, кто возвращается домой. Мне кажется, что у людей, едущих в Москву впервые, другое, более спокойное, что ли, волнение.

В соседнем отделении кто-то рассказывает, как в 1905 году попал в Америку, как там его «поносила судьба». В Америке уважают силу, он наматывал под фуфайку тряпки, чтоб думали, что мускулы. Но его быстренько раскусили. Доктор средних лет взамен преподносит свою историю несчастной любви, с выстрелами, бритвами, убийствами и кулацкими дочками невообразимой красоты.

Удивительно — только люди садут в поезд, начинаются откровенничанья незнакомых людей друг перед другом, все переживают, сочувствуют, становятся близкими.

Навстречу по второму пути едут эшелоны. На многих вагонах наклейка:

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИК, СЛЕДИ ЗА ПРОДВИЖЕНИЕМ ГРУЗА
ОН ИДЕТ НА МАГНИТОСТРОЙ
ОТ БЫСТРОЙ И АККУРАТНОЙ ДОСТАВКИ
ЗАВИСИТ ПУСК ГИГАНТА В СРОК

Ну вот и последняя ночь. Все меньше километров впереди, все больше за плечами.

ЗАПИСКИ МЕТРОСТРОЕВЦА

1934 год

Конечно, можно пойти работать на Арбатской площади. Но такое место работы слишком близко от дома — школа и та была подальше. Кроме того, мне не нравится проект станции, которая украсит собой нашу добрую Арбатскую площадь: она отличается от кремового торта только тем, что немного выше и сделана из несъедобных материалов. Даже сейчас, в самом первоначальном виде, она некрасива, хотя я люблю смотреть на стройки.

Леша Кара-Мурза утверждает, что самое лучшее место на стройке метро — Охотный ряд, наиболее центральная точка города Москвы. Когда будешь шагать с работы, прохожие не смогут разобраться — то ли ты артист Большого или Малого театра, то ли важный гость, живущий в гостинице «Москва».

Решено — идем в Лоскутную гостиницу, там как раз отдел кадров, медицинский осмотр и все такое прочее.

Наш бригадир — выдающаяся личность: у него несколько удлиненная добрейшая физиономия, слегка тронутая следами оспы, большие уши и губаст он, как негр. Но самое прекрасное — его светлые и испытывающие каждого глаза. Он сразу дает понять, что является главным, а твое дело — ему подчиняться. Такому парню не противно и подчиниться — он не станет пользоваться своей властью без смысла и только ради фасона.

Бригадир — его зовут Николай, фамилия Краевский — долго меня рассматривал, ну а я тоже стал на него глазеть, это было нечто вроде детской игры — кто кого пересмотрит. Он все-таки меня пересмотрел и сказал, что пока поставит меня на откатку, для освоения. Моим напарником (вагонетки катают вдвоем) будет Петр Ратников, человек с классическим деревенским лицом и соломенной головой. Он старше меня на полтора года, но делает вид, что на двадцать, в крайнем случае — на пятнадцать лет. Ладно, разберемся. Я заметил, что метростроевцы чувствуют себя великанами — из одного племени с той громадной фанерной фигурой, которая установлена на макушке шахтного сооружения, возвышающегося над площадью Свердлова.

Я себя таковым не чувствую, наоборот, спустившись в забой, я поймал себя на том, что становлюсь каким-то лилипутиком, чтобы не